

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Арктика и Север. 2024. № 55. С. 5–23.

Научная статья

УДК [314.15:631.618](=1.2)(571.51)(045)

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.55.5>

Формирование арктического этнохозяйственного кластера как условие устойчивого (эколого- и этносохраняющего) развития региона (на примере арктических территорий Красноярского края)

Брюханова Елена Анатольевна¹, научный сотрудник

Нагаева Ольга Сергеевна², кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Шишацкий Николай Георгиевич³, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник

^{1, 2, 3} Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук (ИЭОПП СО РАН), Академгородок, 50/45, Красноярск, Россия

¹ eab@ksc.krasn.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0768-4770>

² ecpro@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3946-3144>

³ nik@ksc.krasn.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8256-5512>

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы этнодемографического развития и расселения коренных малочисленных народов Арктической зоны Российской Федерации в период между переписями населения 2002 г. и 2020 г. Выполнен анализ современного этапа формирования и развития этнохозяйственных ареалов Арктической зоны Красноярского края, дана оценка потенциала развития традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов и названы факторы, препятствующие его использованию. Показано, что ключевым механизмом достижения целей устойчивого развития традиционной хозяйственной деятельности в арктическом регионе является активный сбалансированный кластерный подход, адаптированный к особенностям этнохозяйственных ареалов коренных малочисленных народов Арктики. Оценены предпосылки и перспективы создания этнохозяйственного кластера в Арктической зоне Красноярского края. Выделены перспективные направления инвестиционного развития социально-экономического потенциала и кооперационных связей традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов. Результатом формирования кластера станет повышение степени переработки и увеличение выпуска продукции традиционного хозяйства, увеличение занятости и повышение уровня жизни коренных малочисленных народов, превращение традиционной хозяйственной деятельности в полноценный сектор экономики Арктической зоны Красноярского края.

Ключевые слова: Арктическая зона, коренные малочисленные народы, этнохозяйственный ареал, традиционная хозяйственная деятельность, этнохозяйственный кластер

* © Брюханова Е.А., Нагаева О.С., Шишацкий Н.Г., 2024

Для цитирования: Брюханова Е.А., Нагаева О.С., Шишацкий Н.Г. Формирование арктического этнохозяйственного кластера как условие устойчивого (эколого- и этносохраняющего) развития региона (на примере арктических территорий Красноярского края) // Арктика и Север. 2024. № 55. С. 5–23. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.55.5>

For citation: Bryukhanova E.A., Nagaeva O.S., Shishatskiy N.G. Formation of the Arctic Ethno-Economic Cluster as a Condition for Sustainable (Ecological and Ethno-Preserving) Development of the Region (On the Example of the Arctic Territories of the Krasnoyarsk Krai). *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2024, no. 55, pp. 5–23. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.55.5>

Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/)

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект 5.6.3.2. (0260–2021–0005) «Движущие силы и механизмы развития кооперационных и интеграционных процессов в экономике Сибири» (№ 121040100279–5).

Formation of the Arctic Ethno-Economic Cluster as a Condition for Sustainable (Ecological and Ethno-Preserving) Development of the Region (On the Example of the Arctic Territories of the Krasnoyarsk Krai)

Elena A. Bryukhanova¹, Researcher

Olga S. Nagaeva², Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher

Nikolay G. Shishatskiy³✉, Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher

^{1,2,3} Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Akademgorodok, 50/45, Krasnoyarsk, Russia

¹ eab@ksc.krasn.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0768-4770>

² ecpro@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3946-3144>

³ nik@ksc.krasn.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8256-5512>

Abstract. The paper considers the issues of ethno-demographic development and settlement of small-numbered indigenous peoples of the Arctic zone of the Russian Federation in the period between the 2002 and 2020 population censuses. The article analyzes the current state and development of the ethno-economic areas of the Arctic zone of the Krasnoyarsk Krai, assesses the potential for the development of traditional economic activity of indigenous peoples and identifies hindering factors. It is shown that the key mechanism for achieving the goals of sustainable development of traditional economic activities in the Arctic region is an active balanced cluster approach adapted to the specifics of ethno-economic habitats of indigenous minorities of the Arctic. The prerequisites and prospects for creating an ethno-economic cluster in the Arctic zone of Krasnoyarsk Krai are assessed. Promising areas of investment development of socio-economic potential and cooperative relations of traditional economic activities of indigenous minorities are identified. The results of the cluster formation will be increase in the degree of processing and in the output of traditional economic activities, increase in employment and improvement of the standard of living of indigenous small-numbered peoples, transformation of traditional economic activity into a full-fledged sector of the economy of the Arctic zone of the Krasnoyarsk Krai.

Keywords: *Arctic zone, indigenous peoples, ethno-economic area, traditional economic activity, ethno-economic cluster*

Введение

Арктические территории России являются историческими местами традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНС).

Сохранение культурно-исторической и этнографической идентичности этих народов, формирование сектора традиционной хозяйственной деятельности создают дополнительные возможности для устойчивого социально-экономического развития арктического региона.

Традиционное хозяйство КМНС представляет собой совокупность видов экономической деятельности, исторически сложившихся на определённой территории и эволюционно адаптированных к местным ресурсным условиям, направленных на экологическое, рациональное использование объектов животного мира и других воспроизводимых природных ресурсов по-

средством передающихся из поколения в поколение приёмов и форм ведения хозяйства [1, Gladun E., Nysten-Haarala S., Tulaeva S., с. 2–4; 2, Datta R., Hurlbert M.A., Marion W., с. 556].

Значимость традиционной хозяйственной деятельности КМНС для устойчивого развития Арктики определяется следующими обстоятельствами.

С одной стороны, традиционное хозяйство может рассматриваться как товарная отрасль экономики, исторически сложившаяся на территориях с суровыми природно-климатическими условиями и ограниченными возможностями экономической диверсификации, которая обеспечивает занятость (самозанятость) и доход большей части населения удалённых северных поселков, поставляет на рынок востребованную продукцию и способствует продовольственной безопасности арктических районов.

С другой стороны, являясь образом жизни КМНС, традиционная хозяйственная деятельность выполняет этносохраняющую функцию, способствует сохранению языка и культуры, поддерживает этносоциальную и этнодемографическую устойчивость данных народностей.

Традиционная хозяйственная деятельность, ориентированная на рациональное использование возобновляемых природных ресурсов, базирующаяся на традиционных ценностях, обеспечивающая самозанятость и условия существования коренных малочисленных народов, выступает одним из аспектов инклюзивного и устойчивого развития арктических территорий, ей также принадлежит определяющая роль в сохранении для будущих поколений северных природных комплексов [3, Brock T., Reed M.G., Stewart K.J.; 4, Meadows J., Annandale M., Ota L.].

Особенности современного расселения коренных малочисленных народов в Арктической зоне РФ

Российская Федерация является одним из крупнейших многонациональных государств мира, сложившихся на федеративной основе. По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., в России проживают представители 194 этнических общностей: 145 групп и 49 входящих в них подгрупп¹. 47 из них являются коренными малочисленными народами РФ (КМН) — особыми группами населения (численностью до 50 тыс. человек), проживающими на территориях традиционного расселения их предков, сохраняющими традиционные

¹ В соответствии с методологическими пояснениями Росстата к 5 тому Итогов Всероссийской переписи населения 2020 года «Национальный состав и владение языком», национальный состав учитывает группировочные категории, сформированные Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН) и согласованные ФАДН России, Росстатом, Администрацией Президента Российской Федерации, Правительством Российской Федерации (протокол совещания от 25 октября 2022 г. № П-18). Росстат. Методологические пояснения к тому 5 Национальный состав и владение языками. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_Metodolog_VPN-2020.docx (дата обращения: 25.06.2023).

образ жизни, хозяйствование и промыслы². Общая численность коренных малочисленных народов РФ (по данным Всероссийской переписи населения 2020 г.) составила 315,2 тыс. человек, из них 306,3 тыс. человек (97,2%) насчитывалось на территориях преимущественного проживания³.

Особое место среди коренных малочисленных народов РФ принадлежит коренным малочисленным народам Арктики, которые накопили богатейший опыт выживания в экстремальных климатических условиях и до настоящего времени сохранили своё единство и гармонию с природой, что отражается в характере их традиционного природопользования и традиционной культуре.

Несмотря на большое количество принятых в РФ в последние годы законодательных и стратегических документов по развитию Арктики, единое и общепринятое определение границ Арктической зоны РФ (АЗРФ) и проживающих на её территории КМН отсутствует. Существуют две трактовки:

- «базовая» (в соответствии с «Основами государственной политики РФ в Арктике до 2035 года», утвержденными Указом Президента РФ от 5.03.2020 г. №164, Указом Президента РФ от 2.05.2014 г. №196 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» (в редакции указов от 27.06.2017 г. №287, от 13.05.2019 г. № 220, от 5.03.2020 г. № 164));
- «расширенная» (в соответствии с Федеральным законом №ФЗ-193 от 13.07.2020 г. «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне РФ»).

Разница между ними довольно существенная, в особенности, если речь идёт о границах на уровне субъектов РФ. Эти различия затрагивают интересы четырёх арктических субъектов РФ — республик Карелия и Коми, Архангельской области и Красноярского края (табл. 1).

Таблица 1

Территориальный состав Арктической зоны РФ в соответствии с «базовой» и «расширенной» трактовками

Регионы	Территориальный состав АЗРФ в соответствии с:	
	«базовой» трактовкой (Указ Президента РФ от 5.03.2020 г. №164 «Основы государственной политики РФ в Арктике до 2035 года», Указ Президента РФ от 2.05.2014	«расширенной» трактовкой (Федеральный закон № ФЗ-193 от 13.07.2020 года «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне

² Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, утверждённый постановлением Правительства РФ от 24 марта 2000 года № 255 (с изменениями на 18 декабря 2021 г.), включает в себя 40 народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (утверждены распоряжением Правительства РФ от 17.04.2006 г. № 536-р «Об утверждении перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (с изменениями на 26 декабря 2011 г.) (далее — КМНС); 7 народов других регионов России (преимущественно проживающих в Карачаево-Черкесии, Удмуртии, Ленинградской, Челябинской, Псковской областях и Краснодарском крае).

³ Росстат. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Том 5. Национальный состав и владение языками. Таблица 17. Население коренных малочисленных народов Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab17_VPN-2020.xlsx (дата обращения 25.06.2023).

	года № 196 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации»)	РФ»)
1. Мурманская область	Все районы	Все районы
2. Ненецкий АО	Все районы	Все районы
3. Чукотский АО	Все районы	Все районы
4. Ямало-Ненецкий АО	Все районы	Все районы
5. Республика Карелия	3 муниципальных образования	6 муниципальных образований
6. Республика Коми	1 муниципальное образование	4 муниципальных образования
7. Республика Саха (Якутия)	13 муниципальных образований	13 муниципальных образований
8. Красноярский край	3 муниципальных образования	3 муниципальных образования полностью и 1 муниципальное образование частично
9. Архангельская область (без Ненецкого АО)	7 муниципальных образований	9 муниципальных образований
10. Земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане (постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР от 15 апреля 1926 г. «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» и другие акты СССР)	Все как открытые, так могущие быть открытыми в дальнейшем земли и острова, не составляющие к моменту опубликования Постановления ЦИК СССР от 15.04.1926 года признанной правительством Союза ССР территории каких-либо иностранных государств, расположенные в Северном Ледовитом океане	Не указаны
11. Морская акватория	Внутренние морские воды, территориальное море, исключительная экономическая зона и континентальный шельф РФ	Участки континентального шельфа РФ, для которых применяются меры государственной поддержки

На неоднозначность (противоречивость, изменчивость) подходов к выделению границ Арктической зоны РФ по климатическим, географическим, экономическим, управленческим и другим критериям неоднократно указывалось в научной литературе [5, Жуков М.А.; 6, Лукин Ю.Ф.; 7, Жуков М.А., Крайнов В.Н., Телеснина В.М.; 8, Лукин Ю.Ф.]. В ряде случаев официальные границы включают в состав арктических территорий районы, не отвечающие арктическим критериям (например, южную часть Туруханского района) [9, Жуков М.А., Крайнов В.Н., Попов Д.А.].

В настоящее время в Арктической зоне РФ, которая в «расширенной трактовке» включает, полностью или частично, территории 9 субъектов РФ, проживает 108,5 тыс. представителей 19 коренных малочисленных народов (35,4% от общей численности КМН РФ, учитываемых по ареалам их преимущественного проживания) (рис. 1–2).

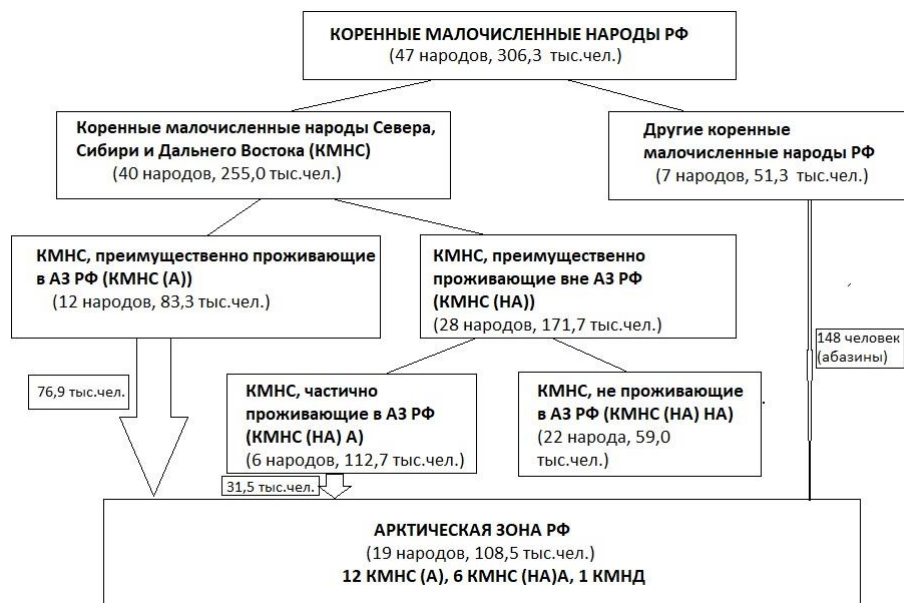

Рис. 1. Распределение коренных малочисленных народов РФ по ареалам преимущественного проживания (рассчитано на основе данных Всероссийской переписи населения 2020 г. ⁴).

Рис. 2. Состав коренных малочисленных народов Севера, проживающих в Арктической зоне РФ.

Более 98% КМН АЗРФ проживает в 5 арктических субъектах:

- Ямало-Ненецкий АО — 48 277 человек;
- АЗ Республики Саха (Якутия) — 20 787 человек;
- Чукотский АО — 17 000 человек;
- АЗ Красноярского края — 13 647 человек;
- Ненецкий АО — 6 722 человека.

⁴ Росстат. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Том 5. Национальный состав и владение языками. Таблица 17. Население коренных малочисленных народов Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab17_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 25.06.2023).

На остальные четыре арктических региона РФ (Мурманскую область, арктические зоны республик Карелия и Коми, Архангельской области без Ненецкого АО) приходится менее 2% КМН АЗРФ.

Крупнейшими коренными малочисленными этносами (85% общей численности КМН АЗРФ) являются:

- ненцы — 47 070 человек;
- чукчи — 13 844 человека;
- эвенки — 11 805 человек;
- ханты — 10 051 человек;
- эвены — 9 382 человека.

На долю КМНС, преимущественно проживающих в АЗРФ (КМНС (А)), в настоящее время приходится 70,9% общей численности КМН АЗРФ; на долю КМНС, частично проживающих в АЗРФ (КМНС (НА) А), — 29,0% (табл. 2). Доля других малочисленных народов, частично проживающих в АЗРФ (абазины Ямало-Ненецкого АО (148 чел.)), незначительна (менее 1%).

Таблица 2

Выделение «арктических» и «неарктических» народов в общей численности КМНС АЗРФ

Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, проживающие в АЗРФ	Общая численность в РФ, чел.	в том числе проживающие		Доля коренного этноса, проживающего в АЗРФ, в % от общей численности в РФ	Доля коренного этноса, проживающего вне АЗРФ, в % от общей численности в РФ
		в АЗРФ	в других регионах РФ (северные территории, регионы СФО и ДФО)		
Арктические КМНС (КМНС (А)), всего	83 336	76 874	6 462	92,25	7,75
в том числе					
ненцы	48 985	47 070	1 915	96,09	3,91
чукчи	15 638	13 844	1 794	88,53	11,47
долганы	8 032	7 360	672	91,63	8,37
селькупы	3 412	2 319	1 093	67,97	32,03
эскимосы	1 487	1 460	27	98,18	1,82
саамы	1 370	1 370	0	100,00	0,00
юкагиры	1 739	1 266	473	72,80	27,20
кеты	1 028	590	438	57,39	42,61
чуванцы	776	743	33	95,75	4,25
нганасаны	667	651	16	97,60	2,40
энцы	196	195	1	99,49	0,51
керекы	6	6	0	100,00	0,00
Неарктические КМНС АЗРФ (КМНС (НА) А), всего	112 745	31 495	81 250	27,93	72,07
в том числе					
эвенки	38 740	11 805	26 935	30,47	69,53
ханты	31 006	10 051	20 955	32,42	67,58
эвены	19 522	9 382	10 140	48,06	51,94
манси	11 983	117	11 866	0,98	99,02
коряки	7 214	54	7 160	0,75	99,25
вепсы	4 280	86	4 194	2,01	97,99

Деление КМНС АЗРФ на «арктические» и «неарктические» имеет достаточно условный характер и может изменяться при изменении границ Арктической зоны. Некоторые КМНС, отнесённые в табл. 2 к «арктическим» (селькупы, юкагиры, кеты), имеют достаточно высокую концентрацию проживания за пределами Арктической зоны (25–45% от их общей численности). Во многом это связано с «пограничным» ареалом их традиционного проживания, сочетающим «арктические» и «северные» особенности хозяйственной и жизнеобеспечивающей деятельности. Учитывая, что границы Арктики не всегда позволяют выделить строго обоснованные с научной точки зрения территории, отнесение проживающих на них коренных малочисленных этносов также может иметь условный характер.

В период между Всероссийскими переписями 2002 и 2020 гг. положительный прирост населения (более чем на 10%) имели 4 народа; относительно небольшие изменения (от -10% до +10%) — 6 народов; существенное уменьшение численности (более чем на 10%) — 4 народа. Не были учтены (в силу их малочисленности на территории АЗРФ) вепсы, манси, коряки, керекы (табл. 3).

Таблица 3

*Изменение численности КМНС АЗРФ в 2020 г. по сравнению с 2002 г.
(по данным переписей населения)*

Расширенное воспроизводство (4 народа)	Простое воспроизводство (6 народов)	Суженное воспроизводство (4 народа)
Ненцы (+8579 чел., +22,3%)	Эвенки (+778 чел., +7,1%)	Саамы (-399 чел., -22,6%)
Эвены (+1648 чел., +21,3%)	Чукчи (+724 чел., +5,5%)	Кеты (-255 чел., -30,2%)
Ханты (+1251 чел., +14,2%)	Долганы (+622 чел., +9,2%)	Нганасаны (-152 чел., -18,9%)
Юкагиры (+279 чел., +28,3%)	Селькупы (+161 чел., +7,5%)	Чуванцы (-208 чел., -21,9%)
	Эскимосы (-74 чел., -4,8%)	
	Энцы (-14 чел., -6,7%)	
Итого: +11 775 чел., +20,3%	Итого: +2 197 чел., +6,3%	Итого: -1 014 чел., -23,2%
Общая численность по ВПН-2020: 69 789 чел.	Общая численность по ВПН-2020: 36 983 чел.	Общая численность по ВПН-2020: 3354 чел.

В целом в рассматриваемый период (2002–2020 гг.) преобладали позитивные изменения численности КМН АЗРФ, которая выросла на 12 960 человек (+13,6%). Положительный прирост населения обусловили относительно высокий уровень рождаемости и относительно невысокий уровень смертности.

Больше половины общего прироста КМН АЗРФ (66,2%) обеспечили представители одного этноса — ненцы.

Численность ряда народов (эскимосы, энцы, саамы, кеты, нганасаны, чуванцы) сократилась, что объясняется как общей отрицательной демографической динамикой в арктических регионах АЗРФ, так и низкой экономической привлекательностью традиционных видов деятельности в текущих условиях и действующего законодательства с учётом перспектив их развития.

Существенное влияние оказывает и миграционный фактор: высокоомобильные (кочевые и полукочевые) этносы могут легко менять место своего проживания в зависимости от выгодности условий их деятельности на разных территориях.

Таким образом, главным ограничивающим фактором этнодемографического развития КМН АЗРФ является кризисное состояние традиционных видов хозяйственной деятельности.

В этой связи представляет интерес динамика численности КМН в различных регионах АЗРФ (табл. 4).

Таблица 4

Изменение численности КМН в арктических регионах — субъектах РФ⁵

Арктические регионы АЗРФ	Численность КМН, чел.		Прирост численности за 2002–2020 гг., в %
	2002 г.	2020 г.	
Регионы с относительно благоприятными условиями традиционной хозяйственной деятельности (ТХД)			
Ямало-Ненецкий АО	37 320	48 277	+29,4
АЗ Республики Саха (Якутия)	16 556	20 787	+25,6
Регионы с относительно удовлетворительными условиями ТХД			
Чукотский АО	16 757	17 000	+1,5
Регионы с относительно неблагоприятными условиями ТХД			
АЗ Красноярского края	14 181	13 647	-3,8
Ненецкий АО	7 754	6 722	-13,3
Мурманская область	1 932	1 482	-23,3

С известной долей уверенности (с оговорками об условности подобного вывода⁶) можно утверждать, что в арктических регионах с высокими темпами роста численности КМНС сложились более благоприятные условия для их традиционной хозяйственной деятельности, и наоборот.

В Российской Федерации и в её регионах создана достаточно развёрнутая правовая база в сфере защиты прав и традиционного образа жизни малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Комплексно вопросы в сфере защиты прав национальных меньшинств урегулированы Федеральным законом «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30.04.1999 № 82-ФЗ (с изменениями на 13 июля 2020 г.).

На федеральном уровне действуют также федеральные законы «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» от 20.07.2000 № 104-ФЗ» (2000 г.) (с изменениями на 20 октября 2022 г.), «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» (2001 г.); утверждены Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (распоряжение Правительства РФ от 4 февраля 2009 г. № 132-р) и Феде-

⁵ Примечание: показаны регионы с численностью КМН больше 1 000 чел.

⁶ Экономическая привлекательность ТХД в регионе может снижаться не только при ухудшении условий её осуществления, но и в случае появления альтернативных, более конкурентоспособных и привлекательных видов занятости по сравнению с ТХД, например, в промышленности, социальной и сервисной сфере экономики.

ральная программа государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, осуществляемой в Арктической зоне Российской Федерации (распоряжение Правительства РФ от 15.04. 2021 г. № 978-р). Кроме того, субъекты Федерации самостоятельно решают проблемы национальных меньшинств, проживающих на их территориях.

Вместе с тем анализ имеющегося опыта показывает, что в действующем законодательстве права коренных малочисленных народов, занимающихся традиционной хозяйственной деятельностью, не всегда прописаны чётко и конкретно.

В частности, недостаточно раскрыты вопросы закрепления права собственности на исконные родовые земли, преимущественного предоставления КМНС права пользования охотничьими и рыбопромысловыми участками, использования выделенных квот на объекты животного мира и водных биологических ресурсов на детей и престарелых родственников, возмещения ущерба традиционной хозяйственной деятельности в результате промышленного освоения территорий, придания общинам КМНС статуса субъектов малого предпринимательства⁷.

Этнохозяйственный потенциал Арктической зоны Красноярского края

Территория Арктической зоны Красноярского края является местом традиционного проживания и ведения традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов — долган, ненцев, эвенков, кетов, нганасан, селькупов, энцев, эвенов. В пределах Арктической зоны проживает 86–87% КМН Красноярского края (табл. 5).

Таблица 5

Территориальное распределение численности КМН Красноярского края (территории преимущественного проживания)

Территории Красноярского края	Численность коренных малочисленных народов, чел.		В % к общей численности коренных малочисленных народов	
	перепись 2002 г.	перепись 2020 г.	перепись 2002 г.	перепись 2020 г.
Городской округ город Норильск	327	350	2,0	2,2
Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район	9 864	10 155	59,8	64,5
Туруханский муниципальный район	1 336	952	8,1	6,1
10 сельских поселений Эвенкийского муниципального района	2 654	2 190	16,1	13,9

⁷ Ежегодные доклады Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов Красноярского края «О реализации конституционных прав и свобод коренных малочисленных народов на территории Красноярского края». URL: <https://www.ombudsmankk.ru/about/report/> (дата обращения: 25.06.2023).

Арктическая зона Красноярского края — всего	14 181	13 647	86,0	86,7
Остальные территории Красноярского края	2 228	1 981	14,0	13,3
Красноярский край в целом	16 409	15 628	100,0	100,0

К зонам традиционного природопользования и хозяйственной деятельности КМНС относится около 93–95% общей площади Арктической зоны Красноярского края.

Сложившаяся структура расселения коренных малочисленных народов и её динамика объясняются историко-географическими причинами, давностью и этапами освоения территории, а также особенностями современной трансформации сформировавшихся в регионе этнохозяйственных ареалов [10, Клоков К.В.]⁸.

В настоящее время в Арктической зоне Красноярского края можно выделить четыре этнохозяйственных ареала традиционной хозяйственной деятельности (табл. 6).

Таблица 6

Этнохозяйственные ареалы традиционной хозяйственной деятельности в Арктической зоне Красноярского края

Этнохозяйственный ареал	Основной этнос (сопутствующий этнос)	Географические и территориальные границы; базовые поселения	Основные виды традиционного природопользования	Образ жизни
1. Енисейский ненецкий	ненцы (энцы)	Низовья Енисея и его притоки (Таймырский Долгано-Ненецкий МР) Базовые поселения: Носок, Тухард, Караул, Усть-Порт, Воронцово, Байкаловск, Потапово	1. Тундровое и лесотундровое крупностадное оленеводство 2. Полукочевое рыболовно-олeneводческое хозяйство 3. Рыболовно-охотничье промысловое хозяйство	кочевой/оседлый
2. Таймырский долганонганасанский	долганы и нганасаны	Центральная часть полуострова Таймыр, бассейн реки Хатанга в Восточной части полуострова Таймыр (Таймырский Долгано-Ненецкий МР) Базовые поселения: Кресты, Новая, Хета, Жданиха, Катырык, Новорыбная, Сындасско, Попигай, Волочанка, Левинские Пески, Усть-Авам, Хантайское озеро	1. Тундровое кочевое оленеводство (в сочетании с промыслом пушного зверя и рыболовством) 2. Лесотундровое кочевое в сочетании с промыслом дикого оленя 3. Охотничье-рыболовное хозяйство 4. Рыболовство	оседлый

⁸ Этнохозяйственный ареал — географически обособленная область природопользования этносов или отдельных этнотерриториальных групп коренного населения [10, Клоков К.В.].

3. Илимпейский эвенкийский	эвенки (ессейские якуты ⁹)	Базовые поселения арктической части Эвенкийского МР: Ессей, Чиринда, Эконда, Юкта, Нидым, Тутончаны, Кислокан, Учами, Суринда	1. Таежное оленеводство 2. Охотничий промысел 3. Рыболовство	оседлый
4. Туруханский кетско-селькупский	кеты и селькупы	Локальные ареалы в Туруханском МР Базовые поселения: Келлог, Сургутиха, Мадуйка, Фарково	1. Охотничий промысел 2. Рыболовство	оседлый

Потенциал развития традиционных видов деятельности (ТВД) и традиционного образа жизни (ТОЖ) каждого этнохозяйственного ареала определяется совокупностью базовых поселений, критериями выделения которых выступают следующие показатели (рис. 3):

- численность профильного для данного ареала этноса (не менее 50 человек);
- доля коренных малочисленных народов (КМН) в общей численности поселения (не менее 50%);
- доля профильного этноса (не менее 15%) [12, Копцева Н.П., Шишацкий Н.Г., Брюханова Е.А.].

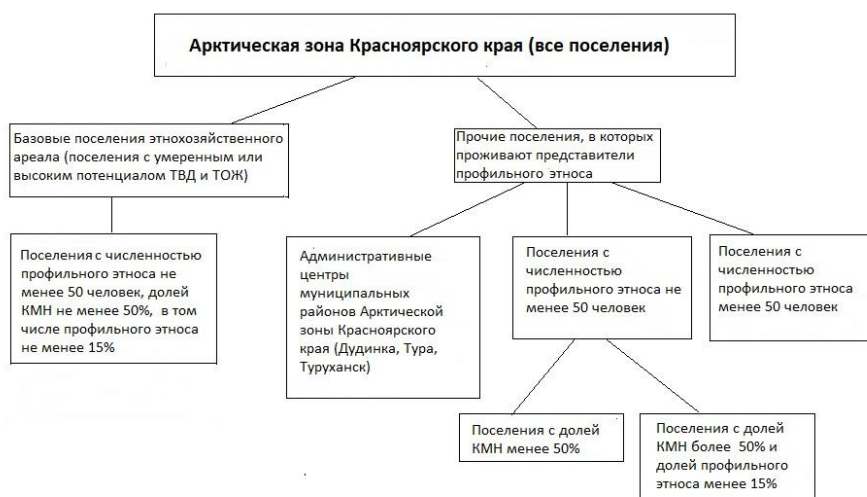

Рис. 3. Схема выделения базовых поселений этнохозяйственного ареала (профильный этнос — коренной малочисленный народ, имеющий доминирующее положение в рассматриваемом этнохозяйственном ареале).

«Полученные классификационные группы поселений и их трансформация в рассматриваемом периоде позволяют делать выводы о тенденциях развития и устойчивости ТВД и ТОЖ в отдельных ареалах. Так, например, повышение удельного веса и рост численности базовых поселений может свидетельствовать о позитивных тенденциях сохранения традиционного уклада жизни и традиционных видов деятельности. Противоположные процессы — снижение численности базовых поселений и рассеяние этноса по территории с утратой

⁹ Примечание: *ессейские якуты на протяжении вот уже более чем 300 лет ведут обособленный от основной массы якутского этноса образ жизни. Компактное проживание, отсутствие ассимиляционных процессов, высокие показатели владения родным языком, сформированность представлений о дифференцирующих и консолидирующих факторах этнической идентичности позволяет отнести данную группу к коренным малочисленным народам Севера [11, Бахтин С.А.].

внутриэтнических связей и традиционных видов деятельности — являются признаками его неустойчивости и постепенного разрушения» [12, Копцева Н.П., Шишацкий Н.Г., Брюханова Е.А.].

Предпосылки и перспективы формирования арктического этнохозяйственного кластера на базе Илимпейского эвенкийского ареала

На территории Илимпейского эвенкийского этнохозяйственного ареала действует более 100 традиционных хозяйств (рис. 4).

Рис. 4. Организационно-правовая структура традиционных хозяйств КМНС Илимпейского этнохозяйственного ареала (на начало 2023 г.).

Ресурсный потенциал традиционных хозяйств Илимпейского эвенкийского ареала характеризуется следующими особенностями:

- кормовая база домашнего оленеводства позволяет нарастить поголовье оленей до 7–11 тыс. голов (потенциально до 60 тыс. голов);
- площадь охотугодий составляет более 40 млн га. Основными охотничьими ресурсами являются: копытные животные (прежде всего дикие северные олени); пушные животные (прежде всего соболь); промысловые птицы;
- сохранен уникальный генотип эвенкийских аборигенных лаек, который может послужить основой для их разведения и распространения для профессиональной охотничьей деятельности;
- рыбопромысловый потенциал позволяет добывать более 300 т рыбы в год;
- территория Илимпейского эвенкийского этнохозяйственного кластера богата недревесными ресурсами леса, ежегодный доступный объем заготовки грибов составляет свыше 70 тыс. т, ягод — свыше 60 тыс. т;

- туристско-рекреационный потенциал создаёт возможности для развития рыболовного, охотничьего, спортивного (преимущественно водные сплавы), этнографического (создание этнографических центров), экологического (на территории находится часть государственного природного заповедника «Путоранский») и событийного (фестиваль «Эвенкийские Зори»; «День коренных народов мира»; «День аборигена») туризма.

Наличие ресурсной базы и устойчивого спроса на многие виды продукции, в том числе и на мировых рынках, создают необходимые предпосылки для повышения товарности и рентабельности традиционного хозяйства КМН. Превращению традиционного хозяйства в полноценную товарную отрасль в арктической зоне Красноярского края препятствуют следующие проблемы:

- трудности с реализацией продукции, обусловленные удаленностью зон традиционного природопользования и ведения традиционного хозяйства КМН от основных рынков сбыта, высокие транспортные затраты и отсутствие налаженной системы сбыта продукции;
- отсутствие современных убойных цехов и холодильного оборудования, что препятствует комплексному использованию заготавливаемого сырья и значительно снижает качество мясной и рыбной продукции;
- низкая степень переработки продукции и практически полное отсутствие современных технологий первичной и глубокой переработки.

Повышение экономической значимости и усиление роли традиционных хозяйств ареала возможно на основе перехода к кластерной модели организации производства – высокоорганизованной системе размещенных на территории Илимпейского эвенкийского ареала субъектов традиционного природопользования, связанных эффективными кооперационными отношениями в сфере заготовки, переработки и реализации продукции и услуг традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов (рис. 5).

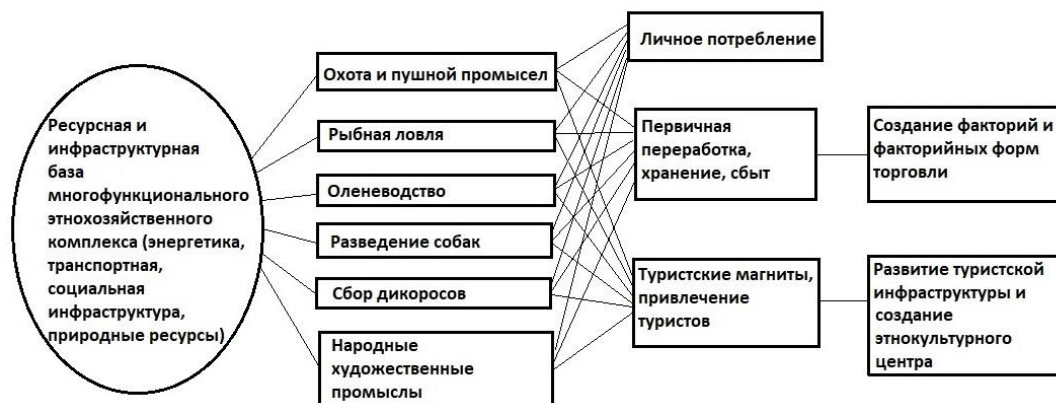

Рис. 5. Структурная схема Илимпейского эвенкийского этнохозяйственного кластера.

Целью формирования этнохозяйственного кластера является развитие традиционных видов деятельности на новой технологической основе, развитие кооперационных связей между ними и использование прогрессивных способов продвижения и реализации продукции.

В основе формирования кластера лежит реализация портфеля инвестиционных кластерных проектов, объединяющего ресурсы участников кластера и обеспечивающего получение синергетических эффектов. В портфель включены два типа проектов:

1) специализированные проекты, ориентированные на развитие традиционного хозяйства КМНС:

- увеличение общей численности стада на основе создания оленеферм по технологии изгородной системы разведения домашних оленей;
- создание трёхуровневой системы заготовки и переработки продукции традиционных промыслов «охота и пушной промысел», «рыбная ловля», «сбор и заготовка дикоросов»: 1) сеть заготовительных пунктов, максимально приближенных к местам промысла и заготовки, где будет осуществляться сортировка и первичная переработка продукции; 2) мини-перерабатывающие производства для более глубокой переработки продукции и логистические центры в крупных населённых пунктах Эвенкийского муниципального района, имеющих постоянное транспортное сообщение с краевым центром; 3) производство по глубокой переработке для создания уникальной продукции с высокой добавленной стоимостью (г. Красноярск)).
- формирование необходимой туристической инфраструктуры и создание новых туристических маршрутов;

2) кооперационные проекты, направленные на обеспечение взаимодействия участников, создание общей инфраструктуры кластера, системы продвижения и реализации продукции традиционной деятельности КМНС.

Основными субъектами этнохозяйственного кластера являются:

- органы государственной и муниципальной власти, предоставляющие поддержку развития традиционной хозяйственной деятельности КМНС (выступают как учредители кластера);
- региональная ассоциация общин КМНС, обеспечивающая соответствие целей и направлений развития кластера интересам северных этносов региона (является одним из учредителей кластера);
- кластерный центр, обеспечивающий взаимодействие между участниками кластера, продвижение кластера на внутреннем и внешнем рынках, формирование и реализацию кластерных проектов и инициатив и создаваемый в организационно-правовой форме автономной некоммерческой организации, учредителями которой выступают администрация муниципального района, Министерство сельского хозяйства и торговли Красноярского края, Агентство по развитию северных терри-

торий и поддержки коренных народов Красноярского края, общины КМНС Красноярского края;

- традиционные хозяйства — участники кластера, выполняющие основные профильные функции кластера как производственного и этносохраняющего комплекса (также входят в состав высшего органа управления кластером — Общего собрания участников);
- организации-партнёры кластера, не входящие в кластер, но обеспечивающие необходимую ресурсную и сервисную поддержку профильной деятельности кластера и взаимодействующие с кластером на договорной основе.

Организациями-партнёрами кластера выступают учреждения образования и науки, торгово-логистические, транспортные и энергетические организации.

Важнейшим финансовым ресурсом для реализации инвестиционных кластерных проектов должны стать внебюджетные средства, которые будут привлекаться на принципах государственно-частного партнёрства, ESG и добросовестного взаимодействия промышленных корпораций, ведущих свою производственную деятельность в Арктической зоне Красноярского края, с коренными народами.

Реализация кластерной модели организации и устойчивого функционирования традиционного хозяйства позволит улучшить благосостояние коренных малочисленных народов, ведущих традиционный образ жизни, и сделать традиционную хозяйственную деятельность полноценным сектором экономики Арктической зоны Красноярского края.

Заключение

Традиционная хозяйственная деятельность коренных малочисленных народов играет важную роль в устойчивом развитии арктических территорий, так как, с одной стороны, выполняет этносохраняющую функцию и обеспечивает необходимые условия жизни для обживания Арктической зоны РФ, с другой стороны — позволяет смягчить негативные социально-экономические последствия моноотраслевого сырьевого развития арктических регионов, выступая в качестве отрасли диверсификации их экономики.

Арктическая зона Красноярского края располагает значительным ресурсным потенциалом традиционного природопользования, развития арктического туризма и креативных индустрий. Формирование модели устойчивого развития на основе исторически сложившихся этнохозяйственных ареалов традиционного природопользования способно обеспечить в новых условиях не только эффективную занятость, высокие уровень и качество жизни коренных малочисленных народов Арктики, но и внести существенный вклад в сбалансированное развитие экономики региона в целом [1, Gladun E., Nysten-Haarala S., Tulaeva S.; 16, Sangha K.K., Duvert A., Ricky A., Russell-Smith J.].

Для повышения экономической значимости традиционного хозяйства КМН в условиях Арктики необходимы поиск и разработка кластерных моделей, объединяющих уникальные

знания и опыт традиционной деятельности с современными методами ведения хозяйства и технологиями переработки продукции. Такие модели должны использовать эффективную государственную поддержку, опираться на прочную научную базу, подготовку и обучение необходимых кадров, формирование необходимой инфраструктуры для развития традиционной хозяйственной деятельности, применение современных методов продвижения и реализации производимой кластером продукции.

Список источников

1. Gladun E., Nysten-Haarala S., Tulaeva S. Indigenous economies in the Arctic: To thrive or to survive? // *Elementa: Science of the Anthropocene*. 2021. Vol. 9 (1). Art. 00088. DOI: <https://doi.org/10.1525/elementa.2019.00088>
2. Datta R., Hurlbert M.A., Marion W. Indigenous community perspectives on energy governance // *Environmental Science & Policy*. 2022. Vol. 136. Pp. 555–563. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2022.07.010>
3. Brock T., Reed M.G., Stewart K.J. A practical framework to guide collaborative environmental decision making among Indigenous Peoples, corporate, and public sectors // *The Extractive Industries and Society*. 2023. Vol. 14 (2). Art. 101246. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.exis.2023.101246>
4. Meadows J., Annandale M., Ota L. Indigenous Peoples' participation in sustainability standards for extractives // *Land Use Policy*. 2019. Vol. 88. Art. 104118. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2019.104118>
5. Жуков М.А. Методологические и методические проблемы выделения Арктической зоны Российской Федерации // *Арктика XXI век. Гуманитарные науки*. 2014. № 1 (2). С. 4–20.
6. Лукин Ю.Ф. Российская Арктика или Арктическая зона // *Арктика и Север*. 2016. № 23. С. 171–185. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2016.23.171>
7. Жуков М.А., Крайнов В.Н., Телеснина В.М. Основные принципы выделения Арктической зоны Российской Федерации // *Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета*. 2018. № 1. С. 82–89.
8. Лукин Ю.Ф. Статус, состав, население Российской Арктики // *Арктика и Север*. 2014. № 15. С. 57–94.
9. Жуков М.А., Крайнов В.Н., Попов Д.А. Определение состава Арктической зоны Российской Федерации: монография. Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2018. 251 с.
10. Klokov K.B. Northern reindeer of Taymyr Okrug as the focus of economic activity: Contemporary problems of reindeer husbandry and the wild reindeer hunt // *Polar Geography*. 1997. Vol. 21. Iss. 4. Pp. 233–271. DOI: <https://doi.org/10.1080/10889379709377629>
11. Бахтин С.А. Эссеистские якуты в начале XXI века: к вопросу об этнической идентификации // *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева*. 2010. № 2. С. 167–170.
12. Копцева Н.П., Шишацкий Н.Г., Брюханова Е.А. Динамика численности и особенности современной системы расселения коренных малочисленных народов Севера в Арктической зоне Красноярского края // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2023. Т. 16, № 2. С. 164–183.
13. Клоков К.Б. Ретроспективная география оленеводства как формы традиционного использования ресурсов тундры и тайги севера Красноярского края // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2022. Т. 15. № 2. С. 265–279. DOI: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0910>
14. Давыдов В.Н. Долганы восточного Таймыра: опыт полевых исследований в поселках Новорыбное и Сындаско в 2015 г. // В сборнике: *Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Санкт-Петербург. Вып. 16*. 2016. С. 67–89.

15. Колесникова С.Ю. Кеты и их культура. Проблемы исследования в XX–XXI вв. (к постановке вопроса) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451. С. 132–136. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/451/17>
16. Sangha K.K., Duvert A., Ricky A., Russell-Smith J. Unrealised economic opportunities in remote Indigenous communities: Case studies from northern Australia // Social Sciences & Humanities Open. 2020. Vol. 2. Iss. 1. Art. 100093. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2020.100093>

References

1. Gladun E., Nysten-Haarala S., Tulaeva S. Indigenous Economies in the Arctic: To Thrive or to Survive? *Elementa: Science of the Anthropocene*, 2021, vol. 9 (1), art. 00088. DOI: <https://doi.org/10.1525/elementa.2019.00088>
2. Datta R., Hurlbert M.A., Marion W. Indigenous Community Perspectives on Energy Governance. *Environmental Science & Policy*, 2022, vol. 136, pp. 555–563. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2022.07.010>
3. Brock T., Reed M.G., Stewart K.J. A Practical Framework to Guide Collaborative Environmental Decision Making among Indigenous Peoples, Corporate, and Public Sectors. *The Extractive Industries and Society*, 2023, vol. 14 (2), art. 101246. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.exis.2023.101246>
4. Meadows J., Annandale M., Ota L. Indigenous Peoples' Participation in Sustainability Standards for Extractives. *Land Use Policy*, 2019, vol. 88, art. 104118. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2019.104118>
5. Zhukov M.A. Methodological and Methodic Problems of Russian Arctic Zone Identification. *Arctic XXI century. Humanitarian sciences*, 2014, no. 1 (2), pp. 4–20.
6. Lukin Yu.F. Russian Arctic or the Arctic Zone. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2016, no. 23, pp. 171–185. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2016.23.171>
7. Zhukov M.A., Kraynov V.N., Telesnina V.M. The Main Principles of Russian Federation Arctic Zone Separation. *Corporate Governance and Innovative Economic Development of the North: Bulletin of the Research Center of Corporate Law, Management and Venture Capital of Syktyvkar State University*, 2018, no. 1, pp. 82–89.
8. Lukin Y.F. Status, Composition, Population of the Russian Arctic. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2014, no. 15, pp. 57–94.
9. Zhukov M.A., Kraynov V.N., Popov D.A. *Opređenje sastava Arktičeskoj zony Rossijskoj Federatsii: monografiya* [Defining the Composition of the Arctic Zone of the Russian Federation]. Syktyvkar, KRASSA Publ., 2018, 251 p. (In Russ.)
10. Klokov K.B. Northern Reindeer of Taymyr Okrug as the Focus of Economic Activity: Contemporary Problems of Reindeer Husbandry and the Wild Reindeer Hunt. *Polar Geography*, 1997, vol. 21, iss. 4, pp. 233–271. DOI: <https://doi.org/10.1080/10889379709377629>
11. Bakhtin S.A. Esseysky Yakuts in the Beginning of the XXI-st Century: The Problem of Ethnic Identification. *The Bulletin of KSPU Named after V.P. Astafyev*, 2010, no. 2, pp. 167–170.
12. Koptseva N.P., Shishatskiy N.G., Bryukhanova E.A. The Dynamics of the Population and Features of the Modern Resettlement System Indigenous Peoples of the North in the Arctic Zone of the Krasnoyarsk Territory. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2023, vol. 16, no. 2, pp. 164–183.
13. Klokov K.B. Retrospective Geography of Reindeer Husbandry as a Form of Traditional Use of the Tundra and Taiga Resources in the North of the Krasnoyarsk Territory. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2022, vol. 15, no. 2, pp. 265–279. DOI: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0910>
14. Davydov V.N. Dolgany Vostochnogo Taymyra: opyt polevykh issledovaniy v poselkakh Novorybnoye i Syndassko v 2015 g. [The Dolgans of East Taimyr: Field Research Experience in the Novorybnoe and Syndassko Settlements in 2015]. In: *Materialy polevykh issledovaniy MAE RAN* [Field Research Materials of the MAE RAS], 2016, iss. 16, pp. 67–89.
15. Kolesnikova S.Yu. The Kets and Their Culture. Research Problems in the 20th–21st Centuries (The Statement of the Problem). *Tomsk State University Journal*, 2020, no. 451, pp. 132–136. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/451/17>

16. Sangha K.K., Duvert A., Ricky A., Russell-Smith J. Unrealised Economic Opportunities in Remote Indigenous Communities: Case Studies from Northern Australia. *Social Sciences & Humanities Open*, 2020, vol. 2, iss. 1, art. 100093. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2020.100093>

*Статья поступила в редакцию 03.07.2023; одобрена после рецензирования 05.07.2023;
принята к публикации 06.07.2023*

Вклад авторов:

*Шишацкий Николай Георгиевич — научное руководство, концепция исследования,
развитие методологии, написание исходного текста, итоговые выводы;
Нагаева Ольга Сергеевна — развитие методологии, написание исходного текста,
итоговые выводы, перевод на английский язык;
Брюханова Елена Анатольевна — обработка статистической информации,
доработка и оформление текста*

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов